

Чжао Ци стряхнул грязь со стеблей и улыбнулся:

— Всё в порядке. Давайте поскорее соберём целебную траву и двинемся обратно. Там ведь нас ждут раненные.

Сяо У ловко раскладывал собранные растения по небольшим кучкам, которые тут же подхватывали и уносили другие соплеменники. Вождь Фэн больше не спорил — молча кивнув, он увёл людей к воде, чтобы тщательно промыть целебные листья, а затем растолочь их и принести Чжао Ци.

— Сначала нужно промыть рану, — объяснял Чжао Ци, бережно сворачивая мягкий пучок чистых листьев. — Если туда попала грязь или сор, их обязательно нужно убрать.

Смочив траву чистой водой, он принялся аккуратно обтирать кожу вокруг раны маленького Муму. Окружив их плотным кольцом, соплеменники заворожённо следили за каждым его движением.

Жрец Мин наблюдал за происходящим внимательнее остальных. Когда Чжао Ци начал прикладывать к разорванной плоти сочную кашу из растолчённого вербейника монетчатого, старик стал дотошно расспрашивать о тонкостях лечения. Чжао Ци охотно делился знаниями, терпеливо и подробно отвечая на каждый вопрос.

— Не бойся, малыш. Скоро всё пройдёт, — ласково приговаривал он.

Мальчик крепко сжимал зубы, тесно прижавшись к матери. Он во все глаза смотрел, как Чжао Ци укрывает его израненную ручку прохладной зеленью, и по его щекам катились крупные, блестящие слёзы.

Усталость навалилась на плечи, да и сама возня отнимала немало сил, но Чжао Ци чувствовал глубокое удовлетворение от того, что смог помочь этим людям. С улыбкой утерев мальчугану слёзы, он огляделся. В роще киношных деревьев сейчас укрывалось немного народу — лишь те, кто ухаживал за пострадавшими от наводнения.

«И куда только запропастился Тао?»

Мальчишка вечно убегал, даже не предупредив.

— Он... кажется, он ушёл туда, — всхлипнув, робко произнёс укрытый лекарством малыш. Его

тонкий пальчик указал в самую глубь киноварной рощи.

Чжао Ци тепло улыбнулся, легонько потрепал его по волосам и поблагодарил.

Вернувшись к раскидистому киноварному дереву, под которым они с Тао провели прошлую ночь, Чжао Ци с удивлением обнаружил у корней небольшую охапку целебных трав — кто-то заботливо принёс их для него. Рядом аккуратной стопкой лежали сухие ветки и хворост. Чжао Ци поднял взгляд и заметил стайку ребятишек, прятавшихся под соседним деревом. Переминаясь с ноги на ногу и прижимая к груди сухие сучья, они с любопытством подглядывали за ним.

— Спасибо вам, ребята! — крикнул Чжао Ци, приветливо помахав рукой.

Самый смелый из мальчишек тут же выскочил из-за ствола и звонко прокричал:

— Не за что! Это мама велела принести!

Детский голосок чистым эхом разнёсся под сводами рощи. Вдруг одна из ветвей киноварного дерева мягко опустилась и ласково коснулась плеча Чжао Ци, словно ластясь к нему. Он не удержался и весело рассмеялся. Как раз в этот момент из чащи начали возвращаться охотники племени.

Выглядели мужчины хмурыми и уставшими. Добычи у них почти не было — лишь единицы несли в руках тощих зверьков, которых тут же отдавали вождю Фэну и жрецу Мину. Проводив их взглядом, Чжао Ци тихо вздохнул и опустился на землю, прислонившись спиной к шершавому стволу киноварного дерева и ласково погладив кору.

В его разум тут же хлынула тёплая волна — дерево радовалось его прикосновению, льнуло к нему, словно верный пёс. Однако следом за радостью пришло тихое, жалобное ворчание: великий исполин страдал от бесконечного дождя и застоявшейся в корнях воды.

— Сейчас помогу, прокопаем новые отводы для воды, — негромко пообещал Чжао Ци.

Могучие корни послушно зашевелились, следуя его воле. Однако размокшая земля превратилась в тяжёлую, полужидкую кашу, которая постоянно осыпалась, усложняя работу в разы. Чжао Ци приходилось вручную выгребать мокрый песок и глину, освобождая путь, пока под корнями наконец не пролегла глубокая, аккуратная канава.

— Чжао Ци! Это тебе, — раздался старческий голос.

Из-за дерева показался жрец Мин. В руках он держал скромный кусок мяса. Увидев испачканные грязью ладони юноши, старик ободряюще улыбнулся.

Чжао Ци со смущением замахал руками:

— Что вы, у вас ведь и так почти нет припасов. Оставьте себе, мне не нужно.

— Возьми, — мягко, но настойчиво возразил жрец. — Это благодарность от всего племени Дань. Ты сделал для нас невероятно много.

Мин тихо вздохнул. Он поднял изрезанное глубокими морщинами лицо и благоговейно посмотрел на раскидистые ветви киноварного дерева. Раньше они и помыслить не смели, что это грозное, капризное божество может вести себя так мирно и послушно, словно обычное лесное дерево.

— Ну хорошо, — Чжао Ци тепло улыбнулся. — Тогда и у меня для вас кое-что есть.

Он подошёл к ближайшей луже, смыл с рук налипшую грязь и скрылся в густой роще. Юноша ласково касался стволов то одного, то другого дерева, и вскоре вернулся, бережно неся в охапке спелые плоды киноварного дерева — наливные, глянцево-красные, невероятно аппетитные на вид.

— Как это... — пробормотал ошеломлённый старик, растерянно заикаясь.

Хотя Чжао Ци уже дважды делился с ними плодами, соплеменники почти не притрагивались к ним — священное подношение благоговейно хранили в глубине пещер как великую реликвию. Но видеть, с какой пугающей лёгкостью этот юноша выносит из запретного леса целые охапки бесценных плодов, было выше понимания старого жреца.

Издаেকে уже доносился взволнованный шёпот столпившихся у края рощи людей. Чжао Ци лишь добродушно рассмеялся и без лишних слов пересыпал увесистые красные шары прямо в руки онемевшему Мину.

Затем Чжао Ци прошёлся вдоль стоянки, раздавая плоды каждому встречному:

— Спасибо, что поделился мясом.

— Спасибо за еду.

— Спасибо за сухие ветки.

Он одарил спелым плодом почти каждого члена племени, не забыв сказать тёплое слово. Опустошив руки, Чжао Ци весело отряхнул ладони и вернулся к своему дереву. Жрец Мин всё ещё сидел у корней, тайком утирая слезы умиления.

Рядом, словно соткавшись из воздуха, уже стоял Тао. В руках он держал тушку ушастой мыши, а его взгляд, полный холодного недоверия, был прикован к плачущему старику.

— О, Тао! Ты вернулся! — обрадовался Чжао Ци.

Мальчик глухо угукнул, но взгляда от Мина так и не отвёл. На его лице читалось явное недоумение: что этот старик забыл возле их временного пристанища?

С улыбкой забрав у него добычу, Чжао Ци коснулся плеча приёмыша — плотная шкура на нём уже совсем высохла. Юноша кивнул на сложенную у корней кучу дров и припасов:

— Смотри, это всё принесли нам люди из племени.

Тао безразлично скользнул взглядом по подношениям, но промолчал. Он послушно замер, позволяя Чжао Ци разобрать его спутавшиеся волосы и привычно перевязать их сухой травинкой, собрав в аккуратный узел на затылке.

Наблюдая за этой безмолвной заботой, старый жрец шмыгнул носом. Помолчав немного, он с трудом поднялся на ноги:

— Спасибо тебе, Чжао Ци. Отныне ты — самый почётный гость нашего племени. И... прости меня за всё, что я наговорил раньше.

С этими словами старик низко, почтительно поклонился.

Чжао Ци вспыхнул от смущения. Жрец по возрасту годился ему в дедушки, и принимать от него столь глубокие поклоны было чертовски неловко. К счастью, Мин тут же развернулся и похромал к лагерю. Юноша облегчённо вздохнул, почесал затылок и виновато улыбнулся приёмышу.

— Ну вот, видишь, как хорошо, что мы не ушли сразу, — мягко заметил Чжао Ци.

Тао лишь пренебрежительно фыркнул, но послушно зашагал следом, помогая разделать ушастую мышь.

Пока Чжао Ци размышлял, на чём и как приготовить скудный ужин, к ним подошёл вождь Фэн, бережно неся в ладонях тлеющий уголёк. Вдали, на открытой поляне у самой границы леса, уже весело потрескивал большой общий костёр.

— Священное пламя никогда не гаснет, — пояснил вождь, заметив удивление на лице юноши.
— Жрецы хранят его искру пуще собственного глаза.

Тонкости древних обрядов волновали Чжао Ци меньше всего — он просто радовался возможности съесть горячего, сочного мяса. Поблагодарив вождя, он принял уголёк и бережно передал его Тао, который в два счёта развёл яркий, жаркий костерок.

Плотный, сытный ужин — первый после страшного потопа — немного вернул людям бодрость духа. С наступлением сумерек соплеменники потянулись прочь из киноварной рощи. Но куда им было идти?

В родных пещерах по-прежнему стояла вода, а небо продолжало сеять унылую, бесконечную изморось. Найти сухое пристанище в таком хаосе казалось невыполнимой задачей. Чжао Ци подошёл к краю обрыва и посмотрел вниз: вся долина превратилась в бескрайнее бурлящее море, поглотившее подножие горы едва ли не наполовину. Если ливень не прекратится, а воде будет некуда уходить, последствия станут по-настоящему катастрофическими.

— Куда обычно уходит вода из Даньского водного болота? — обеспокоенно спросил Чжао Ци, вглядываясь в серую пелену. — Сможет ли русло вместить столько влаги?

Он тяжело вздохнул. Пока уровень воды не спадёт, они с Тао окажутся заперты на вершине. Неужели придётся сколачивать плот или строить лодку, чтобы выбраться отсюда?

— Потоки должны уйти к Колокольной горе, — отозвался Тао.

— К Колокольной? А это далеко? Что за гора? — оживился Чжао Ци.

Однако мальчик лишь безучастно покачал головой. Юноша мысленно упрекнул себя за излишнее любопытство: глупо было ожидать от ребёнка глубоких познаний о географии этого сурового мира.

Бережно свернув пушистую шкурку ушастой мыши, Чжао Ци критически осмотрел свой скромный нож из кости — для серьёзной работы тот едва ли годился. Решив раздобыть у вождя инструмент получше, он направился к костру. Тао к этой затее отнёсся равнодушно. Когда же Чжао Ци вернулся с увесистым, остро заточенным обломком кремня, приёмыша и след простыл.

«Опять куда-то убежал»

С помощью нового кремневого скребка работа пошла куда быстрее. Чжао Ци увлёкся прокладкой водоотводов для задыхающихся корней и сам не заметил, как за долгими часами работы углубился в самую чащу заповедного леса.

— Да-да, умница, теперь подкопай вот здесь, чуть глубже, — негромко напутствовал он послушный корень.

Вдруг за его спиной раздался тихий, деликатный шорох. Чжао Ци резко обернулся и замер на месте, ошеломлённый увиденным.

Перед ним стояла маленькая девочка в ярко-красном платье. Её облик разительно отличался от вида местных дикарей. Тонкие, словно вырезанные из нефрита черты лица дышали неземной чистотой, но огромные глаза светились пронзительным пунцовым блеском. Сшитый неизвестно из какого материала наряд — аккуратная короткая рубашка и лёгкая юбочка — больше всего напоминал настоящую тканую материю, невиданную в этих краях.

Чжао Ци бросил быстрый взгляд на её ноги. По крайней мере, обуви на ней не было — крохотные ступни мягко утопали в сыром мху. Но откуда в самом сердце священной рощи взяться ребёнку? Жители племени Дань панически боялись заходить так далеко — вековые исполины разорвали бы любого смельчака на куски ещё у самой опушки.

— Чжао Ци! — раздался тонкий, хрустальный голосок. — Пожалуйста, останься со мной!

— Что? Откуда тебе известно моё имя? Кто ты вообще такая?

Голова шла кругом. Эта таинственная гостья не просто знала, как его зовут — она смотрела на него с такой отчаянной надеждой, словно его отказ мог разрушить весь её мир.

— Ну как же! Это ведь я! Мы уже разговаривали с тобой! Я А-Цо! Помнишь, как я подняла тебя высоко-высоко к самому небу? Тебе ведь так понравилось! Если ты решишь остаться здесь, я обещаю качать тебя на руках каждый божий день!

Чжао Ци растерянно почесал в затылке и невольно рассмеялся:

— Да откуда ты свалилась на мою голову, егоза? Что за небылицы ты... хм...

Смех застрял у него в горле. Он потрясённо захлопал ресницами. Девочка послушно замерла напротив, преданно глядя на него своими алыми, нечеловеческими глазами. Присмотревшись, Чжао Ци похолодел. Её тонкую шею украшало ожерелье из диковинных плодов пятицветного киноварного дерева, а на обнажённом предплечье проступал живой, изумрудный узор в форме киноварного листа.

— Ты... да ты ведь...

— Что «я»? Что со мной не так? — А-Цо сделала шаг вперёд, уцепившись крохотными ладошками за его рукав и нежно потянув вниз. — Ну согласись, а? Ты ведь так хорошо меня понимаешь, даже каналы выкопал, чтобы моим корням дышалось легче! Да и люди из племени

тебя просто обожают.

«Эта девчушка... и есть то самое Великое киноварное дерево?!»

Мир вокруг Чжао Ци покачнулся и с треском рухнул. Рукав послушно подёргивался в такт движениям девочки, но сознание юноши окончательно сковала глухая, звенящая пустота. Разум отказывался принимать очевидное: перед ним стояло древнее священное дерево в облике капризного ребёнка!

— Ну же, Чжао Ци, ответь! Если останешься со мной, у тебя всегда будет столько сладких плодов, сколько пожелаешь. И... так и быть, я даже позволю твоим дикарям иногда собирать мои ягоды.

Настойчивый голосок вырвал юношу из оцепенения. С трудом сглотнув вязкую слюну, он выдавил:

— Прости, но... я не могу. Мы с Тао должны продолжить путь, нас ждут другие земли...

— Что значит — не можешь?! — А-Цо резко оттолкнула его руку, личико её мгновенно искажилось злобой, а пунцовые глаза вспыхнули яростным пламенем. — Ты не имеешь права отказываться! Ты останешься здесь, со мной! Хочешь ты того или нет!

От недавней детской нежности не осталось и следа. Подбоченясь, девчонка буравила его бешеным взглядом, тяжело и часто дыша от прихлынувшего гнева.

«Ну и характер... Настоящий лесной бес в облике избалованного ребёнка».

— Если ты не согласишься, я сделаю так, что ни одна живая душа из этого паршивого племени больше на шаг не приблизится к моей роще! — взвизгнула А-Цо. — Я вышвырну их вон! А если посмеют остаться на поляне — завалю ветками и заброшу камнями! До смерти заброшу!

Чжао Ци нахмурился. Скверный характер древесного духа начинал не на шутку его беспокоить.

— Ну?! Всё ещё молчишь?! Тогда берегись, прямо сейчас мои ветви переломают им кости!

Юноша заколебался. Перед ним стояла крохотная девчушка, но он слишком хорошо помнил сокрушительную мощь исполинского киноварного дерева. Она не блефовала — у неё действительно хватит сил уничтожить всё племя Дань за считанные минуты.

— Послушай, я...

Договорить он не успел.

Раздался пронзительный девичий визг. Из густого подлеска стремительной тенью вылетел Тао и одним мощным броском сбил лесного духа с ног, увлекая на сырую землю.

<http://bllate.org/book/18215/1749890>